

Г. К. КУРМАНГАЛИЕВА

ЗНАНИЕ КАК ЦЕННОСТЬ: СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСЛАМСКАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Проблема знания, так же, как и проблемы разума, рациональности, познания, относится к «вечным» проблемам философии. Каждая эпоха и философия, рожденная в ее недрах, так или иначе поднимают проблему разума, знания, проявляя тот или иной тип рациональности. Возникнув, проблема решается на всем протяжении человеческой истории, и говорить об ее окончательном разрешении было бы рано.

Так как знание является, с одной стороны, результатом развития преобразующей деятельности человека, а с другой – мышления человека, оно включается в социальный контекст истории и становится феноменом культуры. С возникновением общественного разделения труда, в условиях возникающего социального отчуждения, как известно, выделяется немногочисленная часть общества, владеющая знанием, которому в силу тех возможностей, что оно открывает перед человеком и обществом, придается все большее значение. И эта часть общества, первоначально довольно ограниченная, культивирует его, придавая ему все более и более статус священного знания, передаваемого от богов. В силу владения такого рода знанием эта часть общества заметно отличается от других членов общества и обладает особым статусом избранности. Это уже прослеживается в культурах древних цивилизаций – Шумера, Вавилона, Египта и др., где возникает особая каста жрецов – хранителей сакрального знания. В обществе формируется особое отношение к знанию и к его носителям.

Исследуя знание как феномен средневековой исламской культуры, Ф.Роузентал в своем фундаментальном труде «Торжество знания» приходит к выводу о том, что знание было доминирующей составляющей в культуре исламского средневековья¹. Его ценностная значимость, выра-

женная в проповедях Мухаммеда и закрепленная в Хадисах и хадисоведческой литературе, нашла отражение во всех сферах духовной жизни исламского средневековья – в научных изысканиях, в исламской теологической и правовой мысли, в творчестве поэтов и религиозной практике мистиков и, наконец, в образовании. Этому способствовало укорененное в Коране и развитое арабо-мусульманской культурой положение о том, что главный путь постижения Бога, мира, человека и общества – это знание.

Несмотря на то, что в целом средневековое исламское общество не настолько широко владело письмом и не настолько обширно было охвачено образованием, как это наблюдается в современном обществе, чтобы можно было говорить об этом явлении как массовом, все же знание в своих разнообразных формах активно культивировалось в обществе. Это было знание обыденное, рожденное повседневным житейским опытом людей; это было рафинированное знание, культивируемое в определенных кругах и породившее феномен «адиба» – просвещенной личности; это было знание священное, особо хранимое и чтимое и т.д. Несмотря на то, что они были представлены в неравной мере, эти виды знания всегда существовали и действовали. Ф.Роузентал подчеркивает то, что «они рассматривались как часть одного человеческо-божественного атрибута, называемого «знание», который управлял всеми человеческим и божьими деяниями»². И это была отличительная особенность знания в средневековой исламской культуре, которая, утверждает автор, ничем подобным не осознавалась, в частности, в средневековой христианской Европе.

В средневековой исламской культуре, отмечает А.В.Сагадеев, нередко знание, полученное в результате научных доказательств, и знание,

¹См. Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. М.: Наука, 1978. С.21, 135, 177, 234, 323 и др.

² Там же. С.327.

полученное путем слепой веры, обозначались единым понятием знания³, что не совпадает с ситуацией в современной культуре, отдающей приоритет научно доказанному и обоснованному на фактах и теоретических построениях знанию. Но даже при таком положении дел, знание сохраняло доминирующее положение в культуре в целом. Это можно объяснить тем существенным обстоятельством, что знания, полученные в результате веры, даже если и по отношению к ним в обществе наличествовал познавательный скепсис или неверие вообще, являлись предметом обсуждения, анализа и размышлений, т.е. активно включались в познавательный дискурс и тем самым содействовали гносеологическим поискам. Таким образом, даже подвергаемое критическому изучению веровательное знание, пророчества, чудеса и чудодейственные факты, которые в современной культуре отвергаются как антинаучные, следовательно, не истинные, несли в себе познавательную ценность и для представителей религиозного скептицизма и агностицизма, не говоря уже о представителях и носителях религиозной традиции.

Если сравнить средневековый период развития знания и его современный период, то следует сделать вывод, что в средневековье преобладающим способом овладения знанием и его передачи была устная словесная форма, так как письмом владели немногочисленные светская и духовная части общества, сосредоточенные во дворцах и религиозных центрах. Известно, что на ранних этапах исторического развития устная форма передачи знания сначала была повсеместной, а затем, уступая письменной, все же сохраняла свое преобладающее положение. Если обратиться к средневековой культуре Ближнего и Среднего Востока, в условиях которой осуществлялась творческая деятельность исламских философов, то эта культура, будучи культурой городской и книжной, была не только письменной, но и в значительной степени культурой устной. Речь и письменность, развиваясь в сложном взаимодействии, сосуществовали друг с другом, но философское знание, безусловно, переда-

валось и наследовалось от предшествующих и иных культур в письменной форме.

Поскольку перепись книг или же их приобретение были дорогостоящими, постольку ими владели имущие и избранные, безусловно, в силу этого, правящие и управляющие теми, кто не владел письмом и знанием. Так, А.Мец в своем замечательном исследовании «Мусульманский ренессанс» приводит много интересных примеров и фактов, говорящих о трепетном отношении мусульманской знати и правящей элиты к книге в эпоху средневековья⁴. Следуя манихейской традиции, книги украшались золотом и серебром, завертывались в парчу, писались золотыми буквами. При их переписи использовались разные по цвету чернила, они тщательно оберегались. Однако, при всем этом, все же предпочтением и самой изысканной на арабский вкус библиографической роскошью оставались рукописи, вышедшие из-под пера знаменитых переписчиков. О том, что знание было показателем избранности, говорило и то, что в библиотеки, книжный фонд которых значительно преобладал над фондами библиотек Западной Европы того времени, допускались только именитые граждане. Да и сами библиотеки назывались «Сокровищами мудрости».

Известно, как много пришлось сделать исламской культуре в деле передачи предшествующего философского знания и для того, чтобы философия заговорила на арабском языке – были созданы не только «Дома мудрости», где осуществлялись переводы античных философов, но и «Дома науки», где наряду с переводами естественнонаучных, астрономических и математических трудов велась кропотливая научная деятельность. Были созданы медицинские учреждения – своеобразные прообразы больниц, в которых велись научные исследования в области медицины, охраны здоровья человека, изучения его физиологии и использования различных лекарственных трав.

Особенность исламской культуры выразилась в том, что и научная, и теологическая, и философская мысль как интеллектуальное знание явились результатом преобладавшего умозритель-

³ См.: Сагадеев А.В. «Знание» и познавательное отношение к действительности в средневековой мусульманской культуре // Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. С.5.

⁴ Мец А. Мусульманский ренессанс. М.: ВиМ, 1996. С.169-173.

ного способа рассуждения и отражения действительности. Технические достижения, создание необходимой производственной базы – вот условия, важные для развития практики научного эксперимента и развития опытно-экспериментального естествознания и преодолевающие умозрительность мышления. В эпоху исламского средневековья практика эксперимента отсутствовала или, в лучшем случае, ограничивалась локальными и единичными проявлениями, существенным образом не влияя на характер рациональности.

Однако в исламском средневековье наметилась серьезная тенденция, выводящая исламскую культуру на новый путь. Помимо интеллектуально-интуитивных усилий, удостоверяющих причастность знания к вере, сознание обрело еще методологическое оружие, усиливающее возможности разума. Опыт заострял деятельность таких средств познания, как наглядное восприятие и рациональное мышление. И хотя прорыва разума из умозрительной системы науки во времена творчества исламских средневековых классиков философии – аль-Фараби, Ибн Сины, Ибн Рушда и др. не произошло, идейная потребность в нем явно назрела. С точки зрения историко-философского развития средневековый период арабо-мусульманской науки можно оценивать как рассудочный рационализм. А в силу практически повсеместно утилитарной направленности познания это был рационализм, конструктивно развиваемый в пределах этой рассудочности.

Рациональность философской традиции арабо-мусульманского средневековья в отличие, к примеру, от теологической и правовой рациональности можно охарактеризовать как развивающую классические установки умозрительного способа осмысления мира и человека, заложенные еще в эпоху классической философии и науки Древней Греции, но с определенными изменениями. Как отмечает Ф.Роузентал: «Греко-римская философия испытывала глубокое уважение к мышлению (*phronēin*) как к величайшей из добродетелей, по утверждению Гераклита, к чистому знанию (*theoria*), этому сладчайшему и лучшему человеческому деянию, как считали Аристотель и его учитель, и к знанию (*epistēmē*) – единствен-

ной добродетели, как провозглашали стоики. Но никто не стал бы утверждать, что отношение к знанию в античности в целом, как и в любой конкретный период времени, вдохновляла и поддерживала такая устремленная привязанность, которая существовала в средневековом исламе. В смеси этики и знания этика для чувств и разума древних всегда сохраняла большую привлекательность и обладала над ними большей властью. Да и сфера религии никогда не сливалась со знанием столь неразделимо, как это случилось в позднем исламе»⁵.

Соглашаясь с последним утверждением, в то же время нельзя согласиться с предшествовавшим ему другим утверждением, так как, на наш взгляд, ислам как новое религиозное мировоззрение утверждал новую этику и поднял нравственную основу человеческого бытия на невиданные до этого высоты. Именно ислам, утверждая Бога в сердце каждого верующего, в отдельности, и общества, в целом, способствовал возвышению нравственного начала в человеке. В исламской культуре нравственное начало – это открытие Бога в сердце каждого человека.

Уже в средневековый период прослеживается зависимость знания от средств его передачи и средств сообщения, доставки. Размеренный, неторопливый ход событий обуславливает степень и основательность, углубленность и погруженность в смысл написанного текста, который во многом необходимо было сохранить в памяти. Об этом достаточно недвусмысленно говорит в своей автобиографии Ибн Сина, излагая то, как содержание многих изученных им книг он выучил наизусть⁶. В практике же преподавания, как в мечетях, где сосредотачивалось богословско-теологическое просвещение и воспитание, так и в домах науки, а позже в медресе сначала была развита практика диктования книг, требовавшая знания их наизусть. Но и тогда, когда диктование как процесс преподавания сменилось на практику тафсира, также требовавшую знания книг, если не наизусть и дословно, то где-то близко к этому, не произошло кардинальных сдвигов в средствах передачи и доставки знания. Оно по-прежнему было результатом индивидуальных усилий индивида, ограничивавшихся общением

⁵ Роузентал Ф. Торжество знания. С. 326.

⁶ См.: Ибн Сина. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1980. С. 48.

с книгой или учителем. Хотя медресе и предполагало коллективную форму обучения и получения образования, оно все же ограничивалось традиционной формой обучения, где имела место непосредственная форма его передачи и овладения им. В этом смысле знание было локализовано в определенном месте, квалифицировалось не только по месту, но и по источнику, каковым являлась определенная школа или толк, направление, за которыми всегда стоит учитель, прививавший знание, наставник.

Современные условия изменили статус знания, сделав его массовым, когда владение письмом не является важной особенностью, а превратилось в норму образованности общества и отдельного индивида. Благодаря всемирной сети информация практически одновременно появляется в любой точке земного шара – через радио и телевидение, газеты и журналы становится достоянием каждого. Благодаря, в первую очередь, телевидению и современным техническим средствам произошло все большее усиление аудио- и видео- форм передачи и потребления знания. Ценностная значимость слова, записанного в тексте, снизилась. Книжная культура уступила свои лидерские позиции, в душе держащего книгу уже отсутствует тот трепет, какой испытывал средневековый читатель. В современных условиях обладание знанием и владение его богатством стало явлением массовым, а, следовательно, в силу доступности знание оказалось лишенным всего того, что делает предмет особо значимым, вызывает благоговейный трепет. Но так же, как и в исторической ретроспективе, знание признается ценностью. Этому способствуют иные, нежели это было раньше условия, но ценностная значимость знания не поддается сомнению.

В мире продолжается научно-техническая революция, неудержимо совершенствуется и прогрессирует производство, невиданными темпами развиваются новейшие технологии. Изменения, происходящие в мире под воздействием научно-технической революции, разветвленной сети мировых информационных потоков и развития высокотехнологического производства, постоянно требуют обновленного знания, его совершен-

ствования и безудержного продвижения по пути его углубления и расширения. С этим, безусловно, связана происходящая в мире повсеместная переориентация общественного сознания на новые реалии, отраженные в смене традиционной образовательной парадигмы «образование – на всю жизнь» на парадигму «образование – в течение всей жизни». Эта смена свидетельствует о том, что не только в интеллектуальной среде, но и в массовом сознании укрепляется твердая уверенность в том, что знание необходимо всем и в долгосрочной перспективе.

Наряду с тем, что знание все больше оценивается как, с одной стороны, утилитарная ценность, необходимая в производственной деятельности человека, служащая ему средством добывания необходимых жизненных благ, оно, с другой стороны, все более утверждается как непреходящая ценность. Такая двойственность ценностной значимости знания, которое является и утилитарно-практическим инструментом, и самодовлеющей ценностью, показывает, что оно, становясь явлением массовым, теряет ареол избранности и сакральности, которым было освещено на длительном этапе человеческой истории. Но в то же время именно в силу своей массовости и значительного охвата обретает широкую и благодатную интеллектуальную почву, воспроизводящую знание в невиданных ранее масштабах.

Как уже отмечалось, уже в средневековый период наблюдалась зависимость знания от средств сообщения и его передачи. Поскольку книги хранились при всей любви и почитании к ним в местах, доступ к которым был ограничен, постольку и сфера передачи знания была ограничена. Долгими и трудными караванными путями, таившими в себе множество препятствий, рукописи доставлялись к месту назначения, так же долго они переписывались, что в целом замедляло и ограничивало процесс распространения знания.

Невиданный прогресс в этом отношении начался в Европе с момента возникновения печатного станка и создания типографий⁷, когда процесс передачи знания значительно упростился по сравнению с трудоемким процессом переписки книг. Процесс распространения знаний унифици-

⁷ См.: *Сезер Акаржалы. Роль массмедиа в процессе глобализации // Центральная Азия в контексте глобализации: экономика, культура, политика: Материалы международной конференции. 23-24 апреля 2002г. Алматы, 2002. С.139-142.*

ровался в типографии, где рукописи тиражировались, освобождались от ошибок, им придавали единообразную форму. С появлением печатного станка исчезла неопределенность, так как типографские центры становились известными.

Печатный станок произвел революцию в передаче и распространении знания, увеличивая разрыв между умеющими читать и писать и теми, кто не умел. Перед первыми открылись невиданные ранее горизонты мира, вторые же значительно отстали от них, но в то же самое время в силу этого разрыва росла и тяга к знанию, его овладению, что способствовало открытию множества школ, приводившее к тому, что поле распространения знания постоянно расширялось. Благодаря печатному станку стимулировался товарообмен, так как карты, ценные бумаги, контракты печатались типографским способом, помогая реализовывать товары, ускорять эти процессы. Благодаря телеграфу человечество смогло еще дальше продвинуться в этом направлении. Это было началом развития современных технологий передачи знания и превращения его в информационный процесс.

Понятно, что произошедшие изменения повлияли на роль и ценностную значимость знания, еще более упрочившего свое положение в качестве ценности, обладание которой позволяет сохранить привилегированное место в обществе и влиять на материальную составляющую личного и общественного развития. Власть над умами благодаря печатной продукции – определенному знанию – все более укрепляется, культурное пространство расширяется.

Все более совершенствующиеся с технической точки зрения способы передачи знания, в особенности благодаря всемирной компьютерной сети, а тем самым и все более расширяющееся информационное пространство, оказывают уже повсеместное воздействие на общественное сознание и развитие общества, чего, безусловно, не было в средневековом обществе. Современное общество стало обществом знания и информации. Знание в настоящее время, по заключению многих исследователей, превратилось в средство производства. Оно является предметом труда и создает капитал, способствуя его невиданному приращению.

Современное знание активно включено в механизм рыночных отношений. Ученые, осмыс-

ливая состояние и роль знания в информационном обществе, во все более глобализирующемся мире, подчеркивают роль и качество знания, выступающего как производительная сила в капиталообороте. Они говорят о том, что знание создавалось и будет создаваться для продажи, и точно так же, как оно создавалось для обмена, оно будет потребляться. Без обмена знание теряет свою жизненную силу. Обмен в условиях отчужденного знания и потребительского общества становится целью знания. Обмениваясь и становясь товаром, оно все более упрочивается в качестве производительной силы и способствует увеличению эффективности оборота капиталов. Знание в современных условиях все больше приобретает оттенок утилитарной востребованности, так как все отчетливее служит предметом торговли, нежели установления истины.

С открытием возможности отправки и приема электромагнитных волн началась эпоха развития радио и телевидения. Они значительно увеличили объем передаваемой информации, а знания, которые они передают, упростилось для понимания. Если раньше для его осмысления требовались в основном интеллектуальные усилия, то теперь они обогатились образными, художественными средствами, подключающими для его осмысления и закрепления не только области мозговой деятельности, отвечающие сугубо за мыслительные формы деятельности, но и области образного восприятия. Благодаря этому понимание знания упростилось, стало доступнее. Кроме того, появилась возможность получать знания, не покидая собственной квартиры. Не совершая больших усилий, одним нажатием кнопки пульта телевизора или компьютера стало возможным перемещаться в любую точку земного шара и в любое время года и суток и получать необходимую информацию и соответствующее знание. Однако этот фактор, существенным образом повлиял на формы межличностного общения, которые все более отдаляют индивидов друг от друга, лишая их формы непосредственного живого общения, доброжелательной встречи друг с другом «глаза в глаза».

Возможность мгновенного перемещения капитала, невероятное ускорение технологических процессов и созданные глобализацией все убыстряющиеся условия жизни являются результатом эксплуатации разума. В этих условиях продук-

тивно будет осмыслить тот исторический опыт, что заключен в средневековой классической исламской культуре, сделавшей знание и разум символом этого времени и внесшей тем самым прочный вклад в мировую культуру. Этот опыт тем будет актуальнее, чем больше мы поймем, насколько глубоко укоренилась концепция знания в исламской цивилизации вообще, а не только в ее средневековый период развития. В эпоху глобальных изменений ислам претендует на роль лидера в мировых процессах и отстаивает позиции сохранения самобытности в культуре, поэтому научное сообщество все более актуализирует свой интерес к проблематике ислама. Думается, в Казахстане лишь только начинается про-

цесс глубоких исламоведческих исследований и хочется надеяться на то, что у них большие перспективы, в том числе и в решении той проблемы, что стала предметом настоящей статьи.

Резюме

Білімге ортағасырлық ислам мәдениеті мен қазіргі заманғы құндылық категория ретінде талдау жасалады. Автор ортағасырлық ислам мәдениеті құндылығы тәжірибесінің позитивтік мазмұнын өзектілендіреді.

Summary

It is given in the article the comparativistic analysis of knowledge as axiological category in Islamic culture and in modernity. The author actualizes positive content of axiological experience of medieval Islamic culture.